

Веселие тяжелого труда....

Та остановка называлась "Радуга"
И там трамвай сворачивал дугой
Выскакивал я из трамвая к радости,
Что не погашен свет горит тобой.

Я после смены, и все окна спят уже.
Не спит одна на пятом этаже.
И я взлетал от первого до пятого,
Как никогда, – ни раньше, ни уже...

И кушал я горячее и вкусное,
Курил втихушку сигарету "Bond"
(По тем годам и магазинам – лучшее)
И ничего не думал про любовь.

И то, что было наше – было штучное,
А дальше было – все как у людей.
Зачем ты снишься? Что меня ты мучаешь?
Меня... тебя... нас больше нет нигде.

А то, что есть, друг друга не порадует,
И надо научиться забывать,
Что остановка называлась "Радугой"
И что дугою прозвенел трамвай.

Импрессия сирени. Утро. Сад.
Весь в кляксах фиолетовых. И солнце
Заполнило собою небеса,
Рассеявшись сквозь синие высоты.
Мух изумрудных свадебный полёт.
Латунные летуны – за нектаром.
Вечногундосый толстячок шмелёк
Взыскует истины на донце стеклотары.
Цветы, цветы, цветы... Цвета и свет.
И не поймёшь, какой сегодня возраст.
Здесь – всё равно – в сиреневой траве.
Там – на горе – равны кресты и звёзды.
Пусть спеет утро, наливаясь днём,
Шмелёк – вином, что твой раблезианец.
И я лежу, счастливейший из пьяниц,
Мир посетивший, чтобы спеть о нём.

Мячик обязательно утонет.
Шарик никогда не прилетит.
Плачь, девчонка; он тебя достоин;
Не вернется; дождь идет; грусти.

Пачкайся помадой и слезою,
У солдата вечный выходной,
Ждет его в кустах брюнетка Зоя
На скамейке, возле проходной.

Плачь, Алиса. Ты ведь стала взрослой,
Праздники остались позади.
Плачь, старушка, – виделась огромной
Жизнь, но туки-тук... и позатих

Дождик. Никому давно не нужный,
Всплывший посеревший красный мяч...
Шарик прилетел, притоптан в луже...
Тише, тише, девочка. Поплачь.

Не стучите – и откроют.
Не ищите – и найдете.
Это русская природа,
Это – Родина моя.

На печи лежит Емеля.
Бродит Ваня Идиотов.
Буддою сидит Обломов.
Сказка – ложь, да в ней – друзья.

Ода даче

Июльским утром выйдешь на крыльцо.
Хоть солнце рыже, но еще свежо, и
Искрится диамантовой росой,
Смарагдом густо-налитый крыжовник.
На босу ногу кеды и – бегом
Под лай собак соседских до обрыва,
Где омут с родниковым кипятком
Смывает сон и делает счастливым.
И – в плеск до плеса, где тепла вода,
И буйство крови в мускулах упругих,

И крошат реку кролем крылья-руки,
И нету сил со счастьем совладать.

1.

Осень. Окончанье октября.
Кажется, последний день без снега.
Злым щенком чернеет небо неба
И в рубин – закатная заря.
Сытые и тучные стада
Неовец навеивает вечер.
Севереет. Я сажу у речки,
И глотает камушки вода.

2.

Со строгостью монастыря
Лес убран: бледен и прекрасен.
В осиновом иконостасе
Краснеют стигмы октября.

Неслышное мое «прости»
Всем. Одному. Одной. И небу
Мой внятен стих. И горя нету,
И горсточка рябин в горсти.

3.

Осень – прекрасная тема
Для разного стихотворчества.
Всякие там хризантемы.
Опять же: дожди, одиночество.
Воздух прозрачный и синий...
Лес золотой, багряный...
Не требующие усилий,
Опустелые грядки...

Осень. Первая четверть.
Листья в холодных лужах.
Спокойная мысль: зачем-то
Это кому-нибудь нужно.
И ходишь, спокойный наружно,
И дышишь полураспадом
Полупустого сада,
Ждущего снегопада.

Идешь, собачий лай минуя.
В лицо кусается зима.
И одесную, и ошую –
Одноочитые дома.

Темно. И вкусно пахнет снегом,
Негородским и молодым.
Из труб, искрясь, уходит в небо,
Как детство, первобытный дым.

Днём скудно. Ночью слух и запах
Славянофильствуют, служа
Воображению, и запад
Зарезан месяцем ножа.

Земля Сибири – не Рассея,
Но небо общее, прикинь! –
Ведь это Клюев и Есенин
Швыряют с Млечного «снежки».

Попали. Воротник от снега
Отряхиваю и, смешок
В душе упрятавши, «снежок»,
Как детство, возвращаю в небо.

Грузчик

Веселие тяжёлого труда,
Поэтика азарта сухожилий
И лёгкость сверхусилия. И дар
Почти почтенной юности по жизни.
Преодоление грузности земли
Крылатою игрой мускулатуры.
На флейте позвоночника культуры
Такого вы сыграть бы не смогли!

Дежавю

Там, где в траве лежал велосипед,
Скамейка: два пенька, доска меж ними;
Где паровоз классический сипел
И проносился мимо в млечном дыме,
Где сросся со скворешней старый клен,
Опавший осенью, поздней – заледенелый,
Где думал, что влюблен (и был влюблен);
Где снег ложился белый, белый-белый,

Там все по-прежнему: лежит велосипед,
Под кленом двое мнутся неумело,
Скворешни с паровозом только нет;
И белый-белый снег – небелый.

Звуки «Французской сюиты»
Себастиана Баха
посередине деревни, среди ископаемого
картофеля
настолько сюрреалистичны, что думаешь
о прибабах,
о происках Женщины в Белом
по прихоти Мефистофеля.
Но Бах не кончается; мучайся;
клавир хорошо темперирован,
полифония органа меняется с фортепиано,
и, поднятый этой музыкой,
летишь, из контекста вырванный,
вслед лету, из леса ушедшему,
за Бахом Себастианом.

Кончено! Конечно, так и нужно
Разом разрешать любую тяжбу.
Отчего же на душе недужно.
От чего же на сердце
Так тяжко.

Оттого, что память –
Незабудка.
Оттого, что совесть –
Недотрога.
Понемногу привыкаешь к Богу,
Точно к мысли,
Что мы все
Там будем.

* * *

Мысли, лишённые реального содержания,
Об ангелах, карлсонах, нейтрино(?),
Промысле божьем, Жане Вальжане,

Змее Горыныче, Третьем Риме...
Мысли помешанного, смешного, беззащитного
Человека о величии духа, тщете земного,
Об устремлении разума к чистому
Разуму – плюс немного
Фантазии, внутренней азии,
чувственного дрожания,
Мистики, музыки, математик...
Держащий реальность на содержании
Бесполезен земле. В хрестоматиях
Христианства такого окрестят юродивым,
Доверят устам слово божье.
Бесполезность для дела – в природе их,
И все встречные им – прохожие.

Нельзя сказать, что я был нелюдим.
Напротив, я общался ежедневно
Со многими хорошими людьми:
Мне другом был Иосиф Мандельштам,
Иосиф Бродский и Андрей Платонов.
И женщины, которых никогда
Не разлюбить: Марина, Анна, Юнна.
А сколько иностранцев... Так что я
Имел весьма широкий круг общения.
Нельзя сказать, что я был нелюдим.